

На сцене Валерий МЕЛАДЗЕ давно. А ведь когда-то простой мальчик из города Батуми и не мечтал о сцене! Да и образование он получил, как и полагалось, по-правильному — мужское, техническое. Только тогда уже понял, что его жизнь будет связана с музыкой. Но для того, чтобы осуществить свою мечту, чтобы найти своего зрителя, Валерию понадобился не один год. Ему и брату Косте, писавшему песни, не раз приходилось слышать: «То, что вы делаете, не будет востребовано в нашей стране». Но жизнь доказала обратное. Главное, верить в мечту и много работать для ее осуществления — в этом Валерий видит секрет своего успеха.

Ирина ПЕТРОВА

«Я всегда считал себя довольно мягким человеком, но жизнь показала, что я очень упорный, даже упертый, хоть и ни в коем случае не жесткий. Взять хотя бы те совершенно нищенские, студенческо-общажитские времена, когда нередко нам с братом едва хватало на существование, но мы не бросали музыку. Мы не хотели ни заниматься бизнесом, ни петь в ресторане, хотя и то и другое могло принести реальные деньги. Но мы верили в то, что делаем. Верили и при этом пахали, работали день и ночь», — вспоминает сегодня певец. Стаж сольной карьеры Валерия Меладзе — больше десяти лет. Успех, поклонники, концерты, полные залы, альбомы, гастроли... И крепкий тыл — любимый дом, счастливый брак, в котором родились трое детей...

— Многие называют вас одним из самых стильных мужчин на нашей сцене. Вы это воспринимаете как должное?

— На самом деле у меня к себе очень много претензий. Но, с другой стороны, для того, чтобы считаться стильным мужчиной, достаточно более-менее разбираться в мужских костюмах и не одеваться слишком крикливо. Наверное, у каждой возрастной группы есть свой стиль, и когда тебе за тридцать пять, то, самое лучшее — это хорошие дорогие костюмы. С возрастом я становлюсь все более консервативным. Хотя... Наш стиль и мировоззрение очень сильно меняются под воздействием окружающей среды. На пляже в Майами вполне уместны яркие разноцветные шорты, неуместные в Москве. И наоборот — зная, что ты идешь на серьезный прием, будь добр, оденься соответственно.

— Если ты хочешь сказать, что ты бунтарь, что ты не из этой компании и хочешь выглядеть не как все — лучше тогда не иди.

— Это понимание пришло

с опытом? Ведь в молодости больше хочется быть «не как все»...

— Любый подросток считает, что он единственный и неповторимый, и старается выделиться во всем, и в поведении, и в одежде. И если он, наоборот, старается быть как все — я считаю, что из него ничего в жизни не получится. Другое дело, что если подростка слишком прижимать, это ни к чему хорошему не приведет, он начнет искать выход в чем-то другом — и это может быть гораздо хуже. Каждый взрослый человек должен в таких случаях вспомнить себя, дать сыну или дочери отжаться как следует — потом это пройдет. Когда были модны джинсы с латками, я умел делать такие латки, с такой бахромой! В институте вываривал джинсы, шил «бананы» — покупал брюки на два размера больше, чем нужно, отпарывал пояс, делал пару складок, сужал штанины книзу, пришивал пояс обратно — и получались шикарные «бананы». Перекрашивал индийское нижнее белье в верхнюю одежду — через полтора часа варки в ведре с анилиновой краской вещь было не узнать! Тогда не было магазинов, в которых бы продавались модные вещи — и поэтому было огромное поле для проявления себя. И если ты был хоть чуть-чуть одет не так, как другие, — это было круто.

— В сложные студенческие годы не пытались исправить материальное положение с помощью своих дизайнерских способностей?

— Нет. Мог сделать в подарок друзьям — не более. Меня так воспитали, что я не пытался заработать себе на жизнь музыкой и торговлей. Тогда на это у меня мозги не работали. Мне просто было отработать ночь на разгрузке вагонов. Вообще предпринимательская жилка у нашего поколения была абсолютно задушена. Хотя первые предприниматели и кооператоры вышли как раз из моего поколения.

— Выращивание «Мой дом — моя крепость» — это про вас?

— Была пара случаев, когда я вежливо выпроваживал незваных гостей. Меня долго раздражает, когда тот, кого я не хочу видеть, приходит ко мне домой. Даже

когда ко мне на гастролях в гостиничный номер приходит кто-то без моего приглашения, меня это коронит. В моем доме должна быть моя семья, близкие родственники и, может быть, самые близкие друзья. Ни для каких других целей я свой дом не использую никогда. Деловые встречи и разговоры проходят в моем доме, я умел делать такие латки, с такой бахромой! В институте вываривал джинсы, шил «бананы» — покупал брюки на два размера больше, чем нужно, отпарывал пояс, делал пару складок, сужал штанины книзу, пришивал пояс обратно — и получались шикарные «бананы».

— Скажу честно: не по многим причинам хочется выбрасывать в окно телевизоры. Когда включаю музыкальные каналы, когда смотрю латиноамериканские сериалы, но еще больше — когда наши отечественные. Последних стало нереальное количество! И в них очень много батальных сцен — такое впечатление, что мы живем в военной стране. Все наши положительные герои — это обязательно люди воюющие и убивающие. Или футбол — это вторая тема,

Последний из

романтиков

на которой поднимают наш патриотизм. Там миллионы больше, чем зрителей. Это ужасно, ведь футбол — это игра, и настоящих болельщиков захлестывают положительные эмоции. Видимо, у нас все стало слишком агрессивным, если даже такая игра, как футбол, превратилась в бойню.

Я считаю, что патриотизм все-таки должен обновляться на созидании и культуре. Иначе, когда смешиваются псевдопатриотические батальные и футбольные сны, происходит то, что случилось на Манежной площади. Но тогда телевизор я выбросил совершенно по другой причине — он просто не работал. И вылетел в окно. Это не было хулиганством — и никто не пострадал, кроме телевизора. Вместо него купили новый — а дело было в гостинице. Думаю, люди, которые впоследствии жили в этом номере, должны быть благодарны мне и моему продюсеру. Кстати, когда мы потом приехали в ту же гостиницу, там все улыбались и спрашивали: «А в этот раз вы не будете выбрасывать телевизор?» Но потом журналисты начали писать, что буквально в каждой гостинице Меладзе выбрасывает из окна телевизоры — мол, это приносит ему удачу. К счастью, для того чтобы удача повернулась к тебе лицом, нужно сделать намного больше. Не просто выбросить телевизор — а очень много работать.

— Сольной карьерой вы занимаетесь уже больше десяти лет. Неужели за это время не удалось выработать иммунитет к подобным историям?

— Нет. Именно поэтому у меня есть пресс-атташе, которому я строго велел вообще не общаться с желтой прессой. После того как у меня вышел клип с группой «ВИА Гра», многие желтые издания начали выпрашивать у пресс-атташе Тани, с кем из участников группы я спал. Я не захожу на форум своего сайта, хотя соблазн велик. Но там пишут или ярые поклонники или люди, которые тебя очень сильно не любят. Но все эти оценки не объективны. Заниматься самолюбованием — это вредно, а читать всякую дрянь — и подавно.

— Многие считают, что танцем с «ВИА Грой» оказался слишком рискованным, если не сказать вредным для вашего имиджа...

— Были даже случаи, когда на концертах ко мне

У девушек из «ВИА Гры», по мнению Меладзе, очень красивые тела

подходили и спрашивали: «Зачем же вы снялись в этом клипе, ведь у вас такие хорошие песни, музыка?» Но у меня есть свой внутренний ценз, и я полагаюсь на него целиком и полностью. А угодить всем невозможно. Хотя каждому артисту очень хочется. Но тогда нужно забыть о себе вообще. Когда артисты полностью подстраиваются под тот или иной пласт публики, они теряют собственное лицо. Я считаю, что это хорошая работа — она свежая, эстетичная, красивая. И мне было очень интересно работать — более того, я шел на съемку с такой установкой, что, если что-то мне не понравится, я заставлю сто раз переделать, но это будет хорошо, красиво и здорово. Но когда я увидел клип, то был доволен. Да, может, кому-то покажутся слишком откровенными девушки, какие-то части их ног, а что на пляже люди не видят ноги друг друга? У них красивые ноги, красивые тела, это же не порнография! А сколько каналов сейчас показывают по ночам какие-то эротические фильмы, которые никого из взрослых и возбудить-то не могут, и ничего в них красивого нет!

— Поклонники не стали более назойливыми, решив, что Меладзе-то не так серьезен, как пытается выглядеть?

— Психологи считают, что чем дольше вместе живут люди, тем больше они становятся похожи друг на друга. Замечаете это за собой?

— Да. Мы очень часто можем одновременно звонить друг другу, нам часто приходят в голову одни и те же мысли, есть вещи, которые мы даже на расстоянии делаем одновременно. Даже мировоззрение у нас стало похожим — при том, что изначально мы были абсолютно разные по характерам, и по темпераментам, и по взглядам.

— То есть вы на собственном опыте можете сказать: противоположности сходятся...

— Наверное, да. Люди должны быть интересны друг другу. И если они изначально слишком одинаково мыслят и поступают — они слишком предсказуемы. А в том, чтобы между людьми возникло какое-то чувство, должна быть какая-то тайна, непонятность... И, наверное, чем более разные люди, тем этот интерес может быть сильнее. Но для семейной жизни это, наоборот, может оказаться ужасно. В

На съемках клипа «Сэ ля ви» Федор Бондарчук показывает Валерию движение режиссерской мысли

С одной стороны, самый большой грех — это уныние, когда ты ничего не хочешь и не знаешь, как жить, а с другой — любые излишества в жизни и желаниях — тоже грех. И ты должен все время где-то лавировать и искать этот баланс

— Немного есть. Но если бы их совсем не было — это было бы плохо. Другое дело, что лезть в свою личную жизнь, а тем более в мою семью и дом, я никому не позволю.

— На нашей эстраде такие крепкие и длительные браки, как у вас с Ириной, — редкость. В чем секрет?

— Не знаю. Наверное, дело во взаимопонимании и чувствах, которые мы испытываем друг к другу. Во-вторых, наверное, родители — и мои, и Ирины — заложили определенные взгляды на семью и семейные ценности. И в-третьих, мы с Ирой вместе с того момента, когда я был никем. Когда у меня пошли дела вверх, Ира какое-то время мне не доверяла. К тому же я стал уделять ей мало внимания — тогда у меня была куча страхов, проблем, мне нужно было пробиваться, и я боялся этого, и понимал, что иначе нельзя... Естественно, когда в голове творятся подобные вещи, они отрицательно сказываются на человеческих отношениях. А женщине в первую очередь нужно внимание — нередко намного больше, чем деньги и благосостояние. Но в конце концов мы во всем этом разобрались. А потом, я считаю, семейная жизнь — это не только счастье и наслаждение, это достаточно серьезный труд и ответственность. Иногда нужно сдерживаться от собственных порывов — ради того, чтобы потом, через какое-то время, обрадоваться, что ты смог это сделать.

жизни так все сложно... Вот подумайте: с одной стороны самый большой грех — это уныние, когда ты ничего не хочешь и не знаешь, как жить, а с другой — любые излишества в жизни и в желаниях — тоже грех. И ты должен все время где-то лавировать и искать этот баланс. Он вовсе не посередине. Наша жизнь — это периодические колебания из одной стороны в другую, а для этого нужно иметь и терпение, и благоразумие, и работать над собой, и думать о том, к чему приведет сегодняшний день, как аукнется завтра тот или иной поступок.

— При общении с детьми вы часто ловите себя на мысли, что заставляете себя вспомнить себя в детстве и только после этого как-то поступить, что-то сказать?

— Я все-таки был мальчишкой, а они девочки! Да и никаких противоречий пока не возникало. Я принимаю дочерей во всем. К огромному счастью, со мной у родителей было гораздо больше проблем, чем у нас с дочерьми. Хотя очень переживаю за них. Но в то же время родители должны позволять жизни давать испытания их детям. Нельзя закрывать детей от всего — тогда они просто не смогут адаптироваться к жизни. Лучшее наследство, которое мы можем им дать, — это образование, воспитание и жизненный опыт. Правда, я очень переживаю за среднюю, Сою, — она очень эмоциональная и, боюсь,

будет слишком ярко воспринимать все происходящее с ней. Старшая, Инга, — она мудрый ребенок. Конечно, так про детей не говорят, но в ней есть что-то такое. Она спокойный, вдумчивый человек, и я воспринимаю ее как взрослого.

— Если кто-то из дочерей серьезно решит заняться певческой карьерой и попросит вас стать продюсером, как вы поступите?

— Лучше меня у моих дочерей продюсером не будет! Но, к счастью, пока никто так не говорит. Инга не очень интересуется этой областью. Она гуманитарий. Много читает, ей нравится изучать языки, она интересуется хорошей музыкой. А вот если бы ей нравились «Руки вверх!» или «Пропанганда», я бы действительно грустил по этому поводу. Младшая еще совсем маленькая. Может, Сою в силу своей эмоциональности как-то и захочет связать свою жизнь с музыкой? — Не знаю. Конечно, я буду своим детям помогать во всем, чем они захотят заниматься — это нормально! И нет ничего плохого в том, что кому-то в карьере помогает папа, наоборот, можно только порадоваться, что, помимо того, что у человека талант, у родителей есть возможность его развить.

— Вы могли бы отметить какие-то интересные проекты, появившиеся в последнее время на нашей сцене?

— Авторские, личностные проекты не вспоминаются.

— Это говорит о каком-то кризисе?

— Нет. Это просто переход к новой форме. То же самое произошло и со

спортсменом, аранжировщиком... Иногда получается очень симпатично, но творчество не должно, не может планироваться заранее. И если придумывает один, пост другой, а на сцене стоит третий — это, на мой взгляд, слишком пичнично. Хотя что сейчас не стало бизнесом? Даже не знаю, что сказать. Шоу-бизнес в этом плане даже почище некоторых областей будет.

Самое главное в жизни для Валерия Меладзе — его семья и дом

6.02.2004 Meladze Валерий